

И. Р. ЛАВРЕЦКИЙ

ТОВАРИЩ ПРЕЗИДЕНТ ЖИЗНЬ И ГИБЕЛЬ САЛЬВАДОРА АЛЬЕНДЕ *

Часть третья

НАРОДНОЕ ЕДИНСТВО У ВЛАСТИ

ЧИЛИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

То, что многим, а может быть в душе и ему самому, казалось невозможным, свершилось. Альенде — президент республики, товарищ Президент, как он просит называть себя, подчеркивая новый, народный, революционный характер этой высшей государственной должности.

Правительство Альенде незамедлительно приступило к работе. Дети до 15-летнего возраста получили обещанные бесплатные пол-литра молока в день. Возросла заработная плата рабочих и служащих на 34,9% в соответствии с ростом стоимости жизни в 1970 г. Правительство повысило и минимальную заработную плату на 66%, стабилизировало цены на газ, электроэнергию, автотранспорт, развернуло широкое жилищное строительство. Были приняты меры к сокращению безработицы, достигавшей 300 тыс. человек. Альенде отменил более 20 декретов об увеличении цен, изданных предыдущим правительством, установил бесплатное медицинское обслуживание в поликлиниках. Был создан Национальный экономический совет из представителей профсоюзных и общественных организаций, двери министерств и всех государственных ведомств раскрыты для участия в них организованного населения. Правительство стремилось к новому стилю управления страной в тесной связи с массами и с согласия масс. Среди 20 тыс. законов, существующих в Чили, юристы Народного единства обнаружили некоторые забытые статьи чрезвычайного закона, по которому «могут быть поставлены под контроль государства предприятия, производящие и продающие предметы первой необходимости». Этот чрезвычайный закон № 520 был издан в 1932 г. одновременно с 600 другими законами «социалистической республики», которая просуществовала всего 12 дней. Благодаря ему правительство смогло установить контроль над значительной частью промышленных монополий.

В июле 1971 г. конгресс принял предложенный президентом Альенде закон о конституционной реформе, провозглашавший, что «государству принадлежит полное, исключительное и неотъемлемое право на все рудники, залежи гуано, металлоносные пески, соляные копи, месторождения угля, нефти и газа и другие полезные ископаемые». Правительство Альенде национализировало собственность американских монополий «Анаконда» и «Кеннекот», угольную компанию «Лота-Швагер», крупнейший металлургический комбинат «Тихоокеанская сталелитейная компания», ряд текстильных фабрик, железорудные предприятия «Бетлихем Чили майнинг корпорейшн», ИТТ. В течение первого года пребывания у власти Альенде в собственность государства

* Окончание журнального варианта книги «Сальвадор Альенде», готовящейся к печати в издательстве «Молодая гвардия». Начало см. № 2 и 3, 1974.

перешли важнейшие отрасли народного хозяйства: меднорудная, металлургическая, угольная, железорудная, селитряная, цементная, телефоно-телеграфная сеть. Опираясь на закон об аграрной реформе, принятый еще при Фрее, правительство Альенде экспроприировало в течение первого года своей деятельности 1300 латифундий общей площадью свыше 3 млн. га, завершив в 1972 г. экспроприацию землевладений свыше 80 га поливной земли.

Одним из первых внешнеполитических актов президента Альенде было полное восстановление дипломатических, экономических и культурных отношений с революционной Кубой. Были установлены дипломатические отношения и со всеми другими социалистическими странами. Особое внимание уделял Сальвадор Альенде развитию дружественных отношений с СССР. В мае 1971 г. СССР посетил с официальным визитом министр иностранных дел Клодомиро Альмейда, который подписал с советской стороной соглашение об оказании Чили содействия в строительстве ряда промышленных объектов и о предоставлении на эти цели кредита.

Как же жил, что думал, что чувствовал в эти первые месяцы своего пребывания в «Ла-Монед» товарищ Президент? У него была бездна дел, личных, государственных и общественных, и он их решал со спокойной уверенностью, с достоинством, с улыбкой на устах, внушавшей оптимизм и веру в дело, которое он олицетворял.

«Ла-Монед» не была приспособлена к проживанию в ней большой президентской семьи. В этом старинном здании, похожем на проходной двор, трудно было найти уголок, в котором можно было бы уединиться или поговорить спокойно с друзьями, не привлекая всеобщего внимания. Здание не обеспечивало и условий безопасности для главы государства. Все это заставило Альенде создать вторую президентскую резиденцию на улице, носящей название великого английского утописта Томаса Мора, по-испански Моро. Здесь, по соседству с женским монастырем, в обширном саду было выстроено несколько коттеджей, в которых разместились родные президента, его личная охрана, службы.

Альенде полюбил резиденцию на Томас Моро, он предпочитал здесь работать, принимать друзей, отдыхать, возиться со своей любимой собакой Акой. Дон Чичо лично развесил в этой резиденции свою небольшую, но ценную коллекцию картин, состоявшую из подаренных ему полотен знаменитых латиноамериканских художников, с которыми он дружил и общался на протяжении многих лет. Здесь были полотна и рисунки Давида Сикейросы, писавшего в начале 40-х годов фрески на стенах школы в г. Чильян, разрушенном до этого землетрясением, Диего Риверы, эквадорца Гуайасомина, чилийца Эскамеса, аргентинцев Кастаньино и Берни. Все они были революционерами, антиимпериалистами, его единомышленниками. В спальне он повесил оставшееся от матери старое железное распятие. Повсюду разместил книги.

Собственные книги и произведения искусства он принес и в свой президентский кабинет в «Ла-Монед», где принимал сотрудников, политических деятелей, иностранных дипломатов и журналистов. В январе 1971 г. боливийские власти выпустили из заключения Режи Дебре, французского журналиста, арестованного и осужденного на длительное тюремное заключение в связи с деятельностью отряда Эрнесто Че Гевары в Боливии. Дебре было разрешено приехать в Чили. Альенде, неоднократно выступавший за освобождение Дебре, дал ему обширное интервью, получившее широкую огласку.

— Товарищ Президент! Меняет ли власть человека? — спросил его Дебре.

— Видишь ли, Режи, меня всегда называли товарищем Альенде, теперь называют товарищем Президентом. Разумеется, я отдаю себе отчет в том, какую накладывает на меня ответственность это обращение.

— Изменяется ли социалистический деятель, становясь главой государства?

— Нет. Я думаю, что если он настоящий социалист, то таким останется и будучи главой государства. Разумеется, его деятельность должна соответствовать реальным условиям.

— Это большая новость, что социалист, находясь у власти, чувствует себя социалистом и «осуществляет социализм». Пожалуй, таких примеров не так уж много.

— К сожалению, это так. И социалистических партий не так уж много таких, которые являлись бы подлинно марксистскими.

— Внешний и внутренний враг пытается вас уничтожить. Если это случится, что, по-вашему, произойдет?

— Буржуазия всегда верила, что историю творят личности. Реакция опирается на эту идею, превращает ее в тактику. Отсюда проистекает одна из ее излюбленных форм борьбы — покушение. Но в данном случае она должна учитывать наличие сознательного народа. На первый взгляд может показаться, что для реакции это наиболее легкий путь достичь своих целей, в действительности же последствия будут для нее еще более тяжелыми ... Правые не могут меня ни в чем обвинить. Свободы? Они все соблюдают: собраний, мнений, печати и т. д. Социальный процесс не исчезнет с исчезновением одного лидера. Этот процесс можно притормозить, замедлить его развитие, но не задержать. Что касается Чили, то если меня убьют, народ будет продолжать идти своим путем, продолжать борьбу, возможно с той только разницей, что условия будут значительно более трудными, будет больше насилия, ибо массы получают урок, объективный и убедительный, свидетельствующий о том, что реакционеры не брезгуют никакими средствами ¹.

1971 г. был «урожайным» в правлении Альенде. Правительству удалось успешно парировать все наскоки оппозиции; значительная часть программы Народного единства в области социальных преобразований также была выполнена. Значит, чилийский эксперимент, как стали называть сумму преобразований, осуществляемых правительством Сальвадора Альенде, можно было считать удачей? Значит, можно было идти к социализму, сохраняя буржуазную систему, форму правления, активно действующую оппозицию, старый государственный аппарат, армию, карабинеров?

Все эти вопросы ставились, но никто убедительно не мог на них ответить: ни те, кто полагал, что Чили может и дальше без существенных изменений надстройки следовать к социализму, ни те, кто считал подобную идею химерой, гнилым либерализмом, способным привести не к социализму, а к поражению и контрреволюции. Ведь в истории не было соответствующего опыта, который мог бы стать ориентиром.

Что касается чилийских марксистов, то они не спешили с теоретическими обобщениями. Луис Корвалан выразил эту идею так: «Лично я считаю, хотя это возможно и спорное мнение, что нам не следует спешить с теоретическими обобщениями нашего опыта и происходящих в Чили событий. Кроме того, думаю, что имеется определенная опасность в желании теоретически обобщить этот опыт, выработать теоретические формулы на его основе. Какими бы ни были критические замечания и сомнения, которые могли бы высказать по отношению к нему теоретики в кавычках и без кавычек, это подлинный, настоящий революционный процесс. Вот почему для меня самое главное двигать вперед этот процесс. Думаю, что теорией можно будет заняться позже» ².

Разумеется, Альенде, Корвалан и их сторонники отдавали себе отчет в том, что классовый враг не только не разбит, но и в состоянии взять реванш. Об этом говорилось во всех документах партий Народного единства, об этом неоднократно предупреждали Альенде, Корвалан и другие лидеры левых. И не только предупреждали, но и делали все, чтобы политически и организационно ослабить позиции классового врага. Велась работа в армии, обновлялся государственный аппарат, укреплялось руководство национализированными предприятиями. Все это предпринималось строго в соответствии с существовавшими нормами, в согласии с конституцией и статутом гарантий, которые присягал соблюдать Альенде.

10 ноября 1971 г. в Чили с дружественным визитом прибыл глава революционного кубинского правительства Фидель Кастро. Реакционные силы воспользовались этим, чтобы развязать в стране новое наступление на правительство, организовать ряд террористических актов. Столица была заклеена плакатами с угрожающим словом «Джаккарта» — явным призывом к армии совершить вооруженный переворот по индонезийскому образцу и устроить кровавую баню прогрессивным силам. Но самая громкая акция реакционеров заключалась в организации «сковородочного бунта». Несколько сот дам из аристократического района Провиденсия устроили в центре столицы демонстрацию. Со сковородками в руках, окруженные боевиками в масках и с дубинками, они выкрикивали антиправительственные лозунги, требовали «хлеба», призывали к сверже-

¹ «Punto final», marzo 1971, p. 25—26, 44, 63.

² E. L a b a r c a G o d d a r d. Corvalan, 27 horas. Santiago, 1973, p. 88.

нию Альенде, переворачивали на своем пути автомобили, дырявили шины машин, пытались поджечь здания. Когда дамам надоело бесчинствовать в центре города, они вернулись на лимузинах в свой район, где продолжали бить в сковородки и бушевать до поздней ночи. «Сковородочный бунт» по замыслу реакции должен был продемонстрировать «народное недовольство», возмущение домохозяек отсутствием некоторых продуктов питания в торговой сети, в чем были повинны торговцы, припрятывавшие наиболее ходовые товары и создававшие искусственные трудности.

Выступая 2 декабря 1971 г. на Национальном стадионе на митинге в честь Фиделя Кастро, президент Альенде заявил:

— Я говорю вам, товарищи, с которыми столько лет мы боремся вместе, говорю трезво и с полным спокойствием: я не апостол, я вовсе не мессия, и тем более не сотворю, чтобы стать мучеником. Я политический борец, выполняющий порученную ему народом задачу. Но пусть знают те, кто стремится направить историю вспять и отказывается признать волю большинства чилийцев: не будучи создан мучеником, я не отступлю ни на шаг. Я покину «Ла-Монеду» только закончив срок, на который меня избрал народ. Пусть знают, пусть слышат, пусть зарубят себе как следует: я буду защищать эту чилийскую революцию, ибо таков полученный мной от народа наказ. У меня нет другой альтернативы, и только изрешетив меня пулями, они смогут добиться, чтобы я не выполнил программу народа ³.

На том же митинге Фидель Кастро обратил внимание на обострение классовой борьбы в Чили.

— Вы, — сказал вождь кубинской революции, обращаясь к чилийским трудящимся, — переживаете момент, когда фашисты, а мы их так и будем прямо называть, пытаются отвоевать у вас улицу, пытаются перетянуть на свою сторону средние слои населения... Если хотите знать мое мнение, то успех или неудача этого беспрецедентного процесса будет зависеть от идеологической борьбы и от борьбы масс; будет зависеть от умения, искусства и научной подготовки революционеров в борьбе за единство сил, за рост своих рядов и в борьбе за средние слои населения. Ибо в наших странах, странах относительного развития, эти средние слои многочисленны и во многих случаях поддаются на ложь и обман ⁴.

На следующий день, во время прощальной беседы Фиделя Кастро с Сальвадором Альенде, записанной на магнитофонную пленку советником по печати президента Аугусто Оливаресом и опубликованной уже после свержения правительства Народного единства, эти мотивы из их выступлений 2 декабря прозвучали еще более отчетливо.

Фидель Кастро: Не имею ни малейших сомнений, что рука империализма прячется за всем этим (т. е. за антиправительственными выступлениями фашистских элементов. — *И. Л.*).

Президент Альенде: Народ поддерживает правительство. Если они, вопреки нашим надеждам, добьются своего — свергнут наше правительство, Чили будет ввергнута в пучину хаоса, насилия, братоубийственной борьбы.

Фидель Кастро: И в пучину фашизма ⁵.

На пресс-конференции перед отлетом из Сантьяго Фидель Кастро вновь предупреждал, что «расплата — в случае подавления революционного процесса — будет очень высокой... По нашему мнению, в Чили революционный процесс находится в развитии. И крайне необходимо, чтобы революционеры сознавали это. Реакция это понимает. Она понимает! И действует по определенному стратегическому плану, действует с помощью подстрекательств из-за границы. Во многих ее действиях видна рука ЦРУ. Нам знаком этот «почерк», потому что агентура ЦРУ работала в нашей стране довольно длительное время. И это видно. Надо быть слепцом, чтобы не видеть этого» ⁶.

Так начинался второй год правления Народного единства.

³ S. A l l e n d e. Su pensamiento político. Santiago, 1972, p. 289—290.

⁴ Ф. К а с т р о. Сила революции в единстве. Речи, выступления, интервью во время визита в Чили 10 ноября — 4 декабря 1971 г. М., 1972, стр. 331—333.

⁵ «Bohemia», 1973, № 40, p. 59.

⁶ Ф. К а с т р о. Указ. соч., стр. 387—388.

1972 год характеризуется все возрастающим наступлением сил реакции и империализма против правительства. Две основные оппозиционные группировки — национальная и демокристская партии фактически объединяются с единственной целью — избавиться от Альенде, заставить его любым способом уйти с президентского поста до истечения срока его полномочий. Параллельно с легальной оппозицией в этот период действуют многочисленные подпольные и полуподпольные организации фашистского толка, которые готовятся к свержению Альенде путем заговора с привлечением реакционно настроенных военных и карабинеров. Синхронно с фашистами действуют боевые отряды — командосы «Роландо Матуса» и боевики демокристов из отрядов «Красного дракона».

«Легальная» оппозиция окопалась в конгрессе. Здесь большинство голосов контролируется консерваторами и демокристами. Оппозиция протасила через конгресс поправку к конституции, которая имела целью существенно ограничить право правительства осуществлять национализацию и объявляла незаконными все экспроприации, проведенные правительством после 14 октября 1971 г., т. е. со дня внесения законопроекта о поправке к конституции. Хотя поправка не имела законной силы (она не собрала $\frac{2}{3}$ голосов), конгресс потребовал от правительства вернуть владельцам-чилийцам конфискованные у них ранее предприятия. Затем парламент стал систематически отвергать любую инициативу правительства.

Наряду с конгрессом чилийская реакция контролировала судебную систему, в частности Верховный суд. Заговорщиков и террористов, пойманных с поличным, судьи демонстративно выпускали под залог или под честное слово, тянули с судебными процессами над ними или просто объявляли их невиновными. Верховный суд оспаривал конституционность многих правительственных актов и распоряжений.

Ухудшилось экономическое положение страны. Огромное влияние на него оказала война, объявленная Чили американскими монополиями. Внешний долг Чили превышал 4,226 млрд. долл. Эту огромную сумму государство задолжало в основном США, которые, прекратив выдачу кредитов и сведя к минимуму торговые сделки с Чили, теперь, подобно шекспировскому Шейлоку, требовали выплаты долгов. Кроме того, «Кеннекот» мобилизовала своих адвокатов и добивалась установления эмбарго на медь, которую Чили поставляла во Францию, Голландию и другие капиталистические страны.

В октябре 1972 г. противники правительства спровоцировали забастовку владельцев грузового транспорта южных провинций, которая вызвала серьезные перебои с доставкой продовольствия в городские центры и промышленных товаров в сельскую местность. К ней вскоре присоединились торговцы и служащие 10 банков. Лидеры забастовщиков потребовали вернуть прежним владельцам национализированные, реквизированные или переданные под контроль государства предприятия, ликвидировать комитеты по борьбе со спекуляцией, отказаться от централизации банковской системы и осуществить другие изменения в политике правительства, которые по существу означали отказ от выполнения программы Народного единства.

Враг хотел создать обстановку политического хаоса, анархии и ввергнуть страну в гражданскую войну. Однако «мумии» проиграли. Как сообщил председатель КУТ Луис Фигероа, 100% рабочих, 90% крестьян и 80% служащих не поддержали забастовку. Ни одна фабрика, ни одно предприятие не остановилось. Парализовать страну не удалось. Более того, рабочие создали многочисленные бригады, работавшие по доставке, разгрузке и распределению продовольствия. Правительство, стремясь сдержать волну покушений, развязанную правыми, передало власть в большинстве провинций военным.

В начале ноября Альенде для укрепления авторитета власти ввел в правительство одновременно с председателем и секретарем Единого профцентра трудящихся командующих трех родов вооруженных сил, причем пост министра внутренних дел, равнозначный по конституции вице-президенту, получил главнокомандующий армией генерал Карлос Пратс. Последний заявил, что, хотя считает свое участие в делах лишенным политического значения, он поддерживает правительство Альенде — единственно законную и конституционную власть в стране. Это заявление свидетельствовало о том, что гене-

рал Пратс и его сторонники в армии солидаризировались с правительством и по крайней мере на данном этапе выступили в его поддержку, что вносило расстройство в подерывные планы оппозиции, рассчитывавшей на участие в них высших армейских чинов.

И все же возрастающее участие армии в управлении государством имело и отрицательную сторону: оно толкало многих офицеров на мысль о возможности перехода в руки армии всей полноты власти. К тому же в армии продолжало действовать контрреволюционное подполье. В начале 1973 г. была вскрыта заговорщическая группа генерала Альфредо Каналеса, который вкупе с агентами национальной партии усиленно обрабатывал личный состав бронетанкового, артиллерийского и пехотного полков, расквартированных в г. Антофагаста. Сам Альянде более оптимистично смотрел на все возраставшую политическую роль армии. Вскоре после реорганизации правительства он так ответил на вопрос о роли вооруженных сил в современной жизни Чили: «Ранее функции армии ограничивались лишь защитой географических границ. Сейчас положение иное. В рамках представления о национальной обороне расширяется значение понятия о национальной безопасности. Ее прямые задачи не сводятся больше к защите границ. Они все теснее увязываются с экономическим, социальным и культурным развитием страны, с достижением и гарантией ей полной независимости. Именно в рамках такого понимания своих функций чилийские вооруженные силы принимают активное участие в решении всех стоящих перед страной задач»⁷.

Альянде доверял тогдашнему руководству вооруженных сил. Вскоре после реорганизации правительства президент отправился в зарубежную поездку, передав власть на время своего отсутствия министру внутренних дел генералу Карлосу Пратсу.

В ООН на Генеральной Ассамблее Альянде выступил с большой речью, разоблачавшей преступные действия империалистических монополий против чилийского народа. Весьма важной была поездка президента в Советский Союз, где он провел плодотворные встречи и переговоры с руководителями КПСС и Советского правительства. Выступая на обеде, данном в его честь Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, Альянде сказал:

— Поддержка Чили теми странами, где царствует мир и нет войны, где господствует экономическое сотрудничество и нет эксплуатации, где уважают наш суверенитет, имеет особое значение. Как говорил наш большой друг и товарищ, лауреат Нобелевской премии поэт Пабло Неруда, Чили превращается в «молчаливый Вьетнам», без грохота самолетов и разрывов гранат, но с теми же чувствами: миллионы наших соотечественников чувствуют то явное и неявное окружение, которое существует вокруг нашей страны.

В напряженном ожидании страна готовилась к очередным выборам в конгресс 4 марта 1973 г. Лидеры оппозиции трубили на все лады, что предстоящие выборы означают плебисцит «за» или «против» правительства Альянде. Их провокационные предвыборные выступления шли под аккомпанемент выстрелов, взрывов и пожаров ударных батальонов реакции «Патриа и либертад», «Роландо Матус», «Красный дракон» и прочих подрывных банд. За месяц, предшествовавший выборам 4 марта, власти арестовали на месте преступления 464 террориста, было совершено 30 покушений, 3 человека были убиты и 50 ранены.

Разнузданную кампанию лжи и клеветы на правительство Альянде продолжали вести газеты, радио и телевидение, находившиеся под контролем оппозиции. Выступая на митингах, Альянде повторял, что целью Народного единства является «открытие пути к социалистическому обществу без выхода за рамки конституционности и легальности». Хотя Альянде категорически заявлял, что правительство не намерено национализировать мелкие и средние предприятия или лишать собственности мелких и средних крестьян, и даже внес в парламент в середине января об этом закон, предусматривавший передачу в руки государства только крупных предприятий, принадлежавших местным или иностранным монополиям, — оппозиция продолжала обвинять Народное единство в стремлении лишить всех и вся собственности.

В начале 1973 г. сенатор Хуан де Диос Кармона, бывший военный министр в кабине Фрея, внес в конгресс проект закона о «контроле над оружием», дающий право вооруженным силам в ответ на заявления граждан или печати производить обыски, не

⁷ «Латинская Америка», 1973, № 2, стр. 8—9.

испрашивая на то разрешения гражданских властей, и изымать оружие у частных лиц или организаций. Этот проект был поддержан партиями Народного единства и его ратифицировал Альенде.

Реакционер Кармона предложил этот закон в надежде, что вооруженные силы его используют для изъятия оружия у рабочих, сторонников правительства. Альенде же и левые партии его одобрили, с одной стороны, чтобы опровергнуть обвинения правых в том, что они незаконно вооружаются, а, с другой, — в надежде, что в свою очередь их сторонники в армии используют этот закон для изъятия оружия у правых заговорщиков. Как бы там ни было, но этот закон наделял чрезвычайными полномочиями армию.

Между тем по мере приближения даты выборов политические страсти накалялись все больше и больше. Оппозиция заранее трубила победу, требуя ухода Альенде с президентского поста. За несколько дней до выборов генерал Пратс приказал войскам и карабинерам обеспечить охрану избирательных участков.

ТАНКИ ИДУТ НА «ЛА-МОНЕДУ»

Результат выборов 4 марта ошеломил наблюдателей и политических экспертов, предрекавших решительную победу оппозиции. Блок партий Народного единства получил 43,39% всех голосов, на 7% больше, чем на президентских выборах. Кандидаты Народного единства увеличили число своих представителей в палате депутатов на 9 человек, а в сенате — на 2. Надежды Фрея, Харпы и их сторонников получить в конгрессе $\frac{2}{3}$ мест и «мирно» свергнуть Альенде провалились.

Результаты выборов не оправдали расчетов оппозиции. Но смириться с поражением олигархия не помышляла. Теперь она взяла курс на еще большее обострение внутренней обстановки, угрожая развязать гражданскую войну, если Альенде не покинет «Ла-Монеду».

Альенде был против разжигания политических страстей. Он добивался соглашения, компромисса со своими противниками на основе признания ими реальностей чилийской революции. Это относилось как к внутренним его противникам, так и к внешним, в частности к тем кругам в США, которые с первого же дня победы на выборах 1970 г. объявили ему беспощадную войну.

Вскоре после мартовских выборов чилийское посольство в Вашингтоне вступило по распоряжению Альенде в переговоры с госдепартаментом в надежде найти приемлемую для обеих сторон формулу сосуществования. Французский журнал «Monde Diplomatique», освещая ход переговоров, писал: «Чили официально предлагала применять сохраняющий силу двусторонний договор 1914 г. относительно мирного решения конфликтов. США признали, что этот договор сохраняет силу, однако отказались применять его. Таким образом, они официально и прямо заявили о своем намерении нарушить основной закон отношений между государствами: действующий договор. Американская политика была уже определена. В некотором смысле Вашингтон известил Чили, что теперь начинается борьба не на живот, а на смерть».

«Наша совесть чиста, почему вы, латиноамериканцы, так ненавидите нас?» — спросил однажды Джон Кримминс (американский дипломат, представлявший США на переговорах. — *И. Л.*). В ответ он услышал: «Если ваша совесть чиста, то почему рука у вас такая тяжелая?» Во время последней беседы с чилийским послом Джон Кримминс вкрадчивым голосом предложил на выбор три решения, в которых содержался недвусмысленный ультиматум. Он заявил: «Принимая во внимание, что между нами существуют конфликты, мы считаем, что у нас остается всего три возможности: либо мы заморозим конфликты, либо мы найдем пути их разрешения, либо — война» ... «Мы не дадим вам выиграть время», — сказал в заключение Джон Кримминс. С этого момента США приняли решение предпринять интервенцию в Чили, осуществить план, предусмотренный еще в 1970 г. меморандумом ИТТ»⁸.

Это не пугало Альенде. Результаты выборов вдохнули в него новые силы. Он готов был продолжать борьбу с «мумиями». Вскоре после выборов, 27 марта, Альенде вновь реорганизовал правительство. На этот раз в кабинет министров вошли только представители партий Народного единства. Военные оставили министерские посты.

⁸ «Monde Diplomatique», novembre 1973.

Большой отклик среди левых кругов вызвало письмо Альенде председателю федерации партий Народного единства Рафаэлю Агустину Гумусио. Президент предлагал укрепить структуру этой организации — союза входящих в нее левых партий, так, чтобы она могла осуществлять единое руководство действиями правительства и народных масс. Гумусио выразил полное согласие с предложением Альенде создать в ближайшее время съезд этой организации. Это тем более было необходимо, что в рядах левых не существовало необходимого единства взглядов о том, какими путями должна дальше развиваться чилийская революция.

Альенде и другие лидеры левого блока считали, что большинство военных поддержит правительство, которое, опираясь на профсоюзы и другие массовые организации трудящихся (например, комитеты бдительности — «кордонес индустриалес», входившие в систему заводской обороны, объединявшую рабочих определенного района), а также на партии Народного единства, сможет выйти победителем из предстоявшего столкновения с правыми. Группа МИР не разделяла этих надежд. Более того, она утверждала, что правительство неспособно справиться с надвигающейся бурей. Миристы требовали «продвигаться вперед без задержек», создать «революционную власть», вооружить рабочих, опередить заговорщиков, ударить по ним до того, как они поднимут восстание. Эти взгляды находили сторонников среди некоторых последователей Народного единства. Их использовали и реакционеры в качестве доказательства, что правительство готовит «самопереворот», чтобы покончить с демократическим строем, установить «красную диктатуру».

В начале апреля 1973 г. на стенах домов чилийской столицы появились плакаты с загадочной надписью: «Операция САКО проводится в жизнь!» Секрет раскрылся, когда был арестован один из вожжаков фашистской организации «Патриа и либертад». У него была найдена директива участникам операции САКО. Это слово расшифровывалось как «Система организованного гражданского действия», а точнее — саботажа. В роли исполнителей выступили «гremиос» — профессиональные организации промышленников, торговцев, фермеров, врачей, инженеров. Вожаки САКО предписывали частным предпринимателям:

«Укрывать не менее 20% поступающих на их предприятия материалов, что позволит создать запасы на случай чрезвычайных обстоятельств. Создавать склады запасных частей в подвальных помещениях вне предприятия, поддерживая лишь минимальный ритм производства на предприятии... Распределять продукцию предприятия только через посредников САКО. В случае репрессивных мер со стороны правительства государственному сектору должна поставляться продукция самого низкого качества и в минимальных количествах». Предпринимателям частного сектора рекомендовалось под любым предлогом увольнять рабочих и служащих, симпатизировавших Народному единству. Если это не удастся, то составить их списки и иметь их под рукой. Коммерсантам рекомендовалось «по возможности не продавать ничего сторонникам Народного единства или обеспечивать их в самых малых количествах и плохими товарами»⁹.

Опубликование этих директив контрреволюционного подполья только подтвердило то, что было всем и без того известно: главными виновниками экономических трудностей, беспорядков, саботажа являлись противники правительства.

26 апреля ударные отряды фашистов вновь развязали по всей стране волну насилий и уличных беспорядков, спровоцировав на выступления школьников и студентов аристократических частных учебных заведений, деятельность которых предполагалось поставить под контроль государства. Основные стычки произошли в центре столицы. Утром учащиеся — сынки богачей — и отряды ультраправых собрались у здания Национальной библиотеки, откуда они группами двинулись к разным участкам центра с лозунгами против правительства. Фашиствующие молодчики останавливали автобусы, насильно высаживали пассажиров, били стекла автомобилей, прокалывали шины, полностью парализовав движение транспорта по центральным улицам. Часть бандитов прорвалась к президентскому дворцу и забросала его камнями. Столкновения произошли также в Вальпараисо, Консепсьоне и других городах. Всего было ранено около 100 человек.

⁹ «Новое время», 1973, № 20, стр. 25.

Провокации реакции вызвали гневное возмущение в стране. С решительным осуждением преступной заговорщической деятельности контрреволюционных сил выступили политические партии Народного единства, общественные организации, официальные лица. Руководство Единого профцентра трудящихся Чили заявило, что с 27 апреля ежедневно на улицы столицы станут выходить по 10 тыс. рабочих. Они будут организовывать митинги и демонстрации в поддержку Народного единства. Массовые демонстрации 28 апреля и особенно 1 мая выразили поддержку правительству.

4 мая фашистские банды вновь ринулись на улицы столицы, сея террор и панику. На следующий день правительство ввело чрезвычайное положение в столице и провинции Сантьяго, а это означало, что власть в этом районе вновь переходила в руки военных. Служба расследования провела обыски в некоторых помещениях фашистских организаций, где были обнаружены настоящие арсеналы оружия, взрывчатки, подпольной литературы. Было арестовано несколько фашистских главарей, но судебные власти и на этот раз милостиво освободили их из-под ареста. Политическое положение в стране резко обострилось.

Главарь «Патриа и либертад» Пабло Родригес, выступая по телевидению, заявил, что его люди не намерены ждать до 1976 г. (т. е. до окончания мандата президента Сальвадора Альенде). «Если состоятся выборы в 1976 г., — заявил он, — марксизм получит 80%. Поэтому надо действовать до 1976 г.». В письме 55 столичных районных руководителей оппозиции (кстати, без единой подписи), опубликованном в газете «Тегсега», откровенно говорилось, что «гражданская война представляется реальной перспективой». Генеральный секретарь этой организации Вальтер Роберто Тиме объявился в Аргентине, где занимался сколачиванием вооруженных ударных отрядов. Фашистский главарь даже не считал нужным скрывать свои цели. «Пришел час взяться за оружие, чтобы защитить родину. Если гражданская война является ценой за освобождение Чили от марксизма, мы готовы заплатить эту цену», — заявил он¹⁰.

Крайне сложным было положение на крупнейшем в стране медном руднике «Эль Теньенте», где с конца апреля часть технического персонала и высокооплачиваемых рабочих — около 20% занятых на руднике — объявила забастовку, сопровождавшуюся террористическими актами. Забастовщиков поддерживали демохристиане и фашисты. Их боевики напали в г. Ранкагуа на помещения социалистической партии и городской комитет комсомола, на префектуру, на административное здание рудника «Эль Теньенте», обстреляли здание левой радиостанции «Либертадор». Забастовка нанесла стране огромный ущерб, исчисляемый в десятки миллионов долларов. Сократилась добыча меди, правительство было вынуждено прекратить поставки меди в ФРГ, Англию, Венгрию.

Президент Альенде посетил поселок Севель, где живут горняки «Эль Теньенте». Он выступил перед ними, подчеркнув, что забастовка горняцких «аристократов» направлена против народного правительства и проводимой им в жизнь программы социально-экономических преобразований. Президент обратил внимание горняков на тот факт, что их «защитниками» выступают сегодня те, кто никогда раньше не заботился о судьбе чилийских трудящихся. Однако, хотя 80% горняков осуждали забастовщиков, убедить их вернуться к работе президент не смог. Забастовка продолжалась до самого 11 сентября 1973 г. ...

6 июня Альенде встретился с руководителями партий Народного единства, которым заявил, что по его мнению оппозиция попытается совершить государственный переворот в течение ближайших трех месяцев. Альенде предупредил левые партии, что им следует перестроить свою внутреннюю организацию и свои низовые органы, если они хотят во всеоружии встретить мятежников. Тогда же он предложил разрешить конфликт с парламентом путем референдума по вопросу о конституционной реформе, которая разграничила бы сферы различных секторов экономики. В этот день левые партии единогласно высказались против референдума. Если добавим к этому, пишет политический советник президента Хоан Гарсес, obstruction со стороны парламента, Верховного суда, Конституционного суда, можно прийти к выводу, что политический и конституционный этап чилийского революционного процесса был пройден в начале июня¹¹.

¹⁰ «Правда», 16.V.1973.

¹¹ «Le Monde», 19.XII.1973.

Лидеры оппозиционных группировок не скрывали своих замыслов. Они открыто призывали к мятежу, в первую очередь армию. В одном из своих выступлений по радио фашистский главарь Пабло Родригес заявил, что «только армия с ее авторитетом может оказать сопротивление наступлению марксизма, захлестнувшего само правительство»¹².

25 июня органы безопасности арестовали в г. Чильяне группу членов банды «Роландо Матус», у которых при обыске было изъято большое количество огнестрельного оружия и боеприпасов. В те же дни служба расследования правительства получила сведения, что один из главных руководителей «Патриа и либертад» адвокат Миранда Каррингтон, тесно связанный с разведывательными органами США, намекнул, что «день икс» (переворот) назначен на среду 27 июня. В тот же день «Мерсугио» вышла со статьей, призывавшей свергнуть правительство.

В этот крайне напряженный, насыщенный острыми событиями и слухами о неминуемом перевороте день Сальвадор Альенде нашел время, чтобы принять в «Ла-Монед» советского хирурга с мировым именем академика Н. Н. Блохина, представителя Комитета по Международным Ленинским премиям, который вручил президенту Международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами», присужденную ему в 1973 г. за выдающиеся заслуги в борьбе за мир. Принимая награду, Альенде подчеркнул великое значение ленинских идей в борьбе за мир и мирное решение международных споров и конфликтов. Альенде сообщил, что деньги, полученные им, он передает на строительство в Чили детской больницы, которой будет присвоено имя великого Ленина.

В четверг, 28 июня, политическое напряжение и общая нервозность продолжали нарастать. Переворот должен был совершить 2-й бронетанковый полк, казармы которого расположены неподалеку от «Ла-Монеды». Им командовал майор Роберто Супер, брат которого Хайме Супер являлся одним из главарей «Патриа и либертад». Хотя майор Роберто Супер был 28-го отстранен от командования полком, он в 7 часов утра 29 июня проник в расположение полка, вывел восемь танков на улицу и повел их к министерству национальной обороны. Они освободили содержащихся там под арестом своих сообщников, после чего танки загромыхали к «Ла-Монед», расположенной в двух шагах от министерства. Заняв позиции на площади Конституции против президентского дворца, мятежники открыли по нему огонь из танковых орудий.

Руководитель заговорщиков — радиостанция «Агрикультура», передававшая с самого утра кодовую фразу «Запомните, сегодня 29 июня», оповестила своих слушателей в 9 часов утра, что военные захватили «Ла-Монеду» и свергли Альенде.

Но до победы мятежников было далеко.

Главномокандующий генерал Пратс совместно с генералами Пиночетом, Урбиной и Сепульведой разработали план подавления мятежа. Да, да, это тот самый генерал Аугусто Пиночет, заговорщик, будущий палач чилийского народа. Он, как Иуда, притворялся единомышленником Пратса, сторонником президента. Он участвовал в заговоре, а теперь заметал следы, готов был прикончить своих единомышленников, лишь бы самому уцелеть.

Генерал Пратс отдал приказ генералу Оскару Бонилье во главе артиллерийского полка «Такна» занять казармы 2-го бронетанкового полка и арестовать его офицеров. Бонилья также был заговорщиком, сподручным Пиночета, но ни Пратс, ни Альенде об этом не знали. Парадоксальная ситуация: заговорщики подавляют заговорщиков. Как это объяснить? Очень просто: майор Супер и его сообщник Родригес двинулись в бой, не спросив на то разрешения у подлинных главарей заговора — Пиночета, Бонильи и прочих. Последние в надежде усыпить бдительность Альенде и получить в будущем большую свободу действий, решили пожертвовать своими не в меру ретивыми последователями.

Пока Бонилья пытался овладеть казармами 2-го бронетанкового полка, сам Пратс направился во главе колонны, в которую входили части полка «Бенин» и курсанты различных военных училищ, к президентскому дворцу, все еще находившемуся под обстрелом танков. В 10 часов утра курсанты военных школ и подразделения полка «Бенин» заняли позиции в районе «Ла-Монеды», окружив танки мятежников. В 11 часов 45 ми-

¹² «Tancazo», Santiago, 1973, p. 13—14.

нут Сальвадор Альенде в сопровождении личной охраны, группы карабинеров и трех танкеток прибыл в «Ла-Мопеду». Мятеж провалился.

Английская газета «The Observer» отмечала: «Когда Альенде преодолеет очередной кризис, он, вне всякого сомнения, постарается сохранить свое обычное изящество и умение жить. Его галстук по-прежнему будет элегантно и неброско, хорошо гармонирующим с рубашкой. Усы по-прежнему будут слегка топорщиться. Трудности, которые ему приходится преодолевать, редко заставляют его терять самообладание. Когда он в подавленном настроении, по свидетельству его близких друзей, он говорит, что смирился с мыслью, что ему суждено умереть от пули убийцы. Сейчас он пережил еще одну тревожную неделю и не надломился. Завтра он снова примется за решение поставленной им перед собой задачи... Он полон решимости выжить, и в Чили нет лучшего, чем он, специалиста по тактике выживания. Однако выстрел убийцы не исключен»¹³.

События 29 июня явились поражением реакции и победой правительства Сальвадора Альенде. «Танкасо», как стали называть июньский мятеж, провалился, как в свое время «Такнасо». Но враг не был ни разгромлен, ни разоружен. Было отсечено лишь одно из его многочисленных щупалец, поражена лишь видимая часть айсберга. Поединок продолжался.

Часть четвертая

МЯТЕЖ

«ГОРИЛЛЫ» ГОТОВЯТСЯ К ПРЫЖКУ

После «Танкасо» Альенде с согласия партий Народного единства вступил в переговоры с руководством демохристианской партии (ХДП), пытаясь достичь взаимоприемлемого компромисса, который позволил бы избежать гражданской войны. Президент предложил ХДП войти в правительство. Это явилось бы дополнительной гарантией для средних классов, что их интересы не будут нарушены. Однако правые лидеры ХДП во главе с Фреем отклонили протянутую им руку президента. Они расценили это как признак слабости. Они хотели не мира, а свержения Альенде, надеясь унаследовать после его падения власть. Они были уверены, что найдутся «гориллы», которые охотно выполнят за них черную работу — низложат Альенде. Нужно было только еще сильнее расшатать социальный порядок, взбудоражить общественное мнение, накалить до предела страсти, чтобы подбодрить, подтолкнуть «патриотов» в военных мундирах на решительные действия.

Преступные намерения реакции становились все более явными. На что же рассчитывал президент и его сторонники в борьбе с ними? В первую очередь на поддержку трудящихся, сотни тысяч которых под руководством Единого профцентра трудящихся на следующий же день после «Танкасо» вышли на субботник и ударным трудом оказали действенную поддержку народному правительству.

Рабочий класс был главной опорой правительства Альенде. «Несмотря на рост инфляции,— писал американский профессор Брэдфорд Бернс, побывавший в Чили накануне переворота,— рабочий класс почувствовал, что его покупательная способность при правительстве Альенде заметно возросла. Дети рабочих впервые ежедневно пили молоко; потребление рабочими мяса увеличилось, такие потребительские товары, как велосипеды, радиоприемники, телевизоры и кухонные плиты — роскошь, которая давно была предметом их мечтаний,— стали обычным явлением в домах рабочих. На месте жалких трущоб и лачуг правительство построило достойные человека жилища, отдавая предпочтение строительству домов для бедняков. В то время как жилищные условия представителей среднего класса несколько осложнились, самые непривилегированные стали жить как никогда хорошо»¹⁴. Поддерживали правительство и крестьяне, получившие от него землю. Они понимали, что свержение Альенде лишило бы их земли, превратило бы вновь в рабов помещиков и латифундистов.

¹³ «The Observer», 19.VIII.1973.

¹⁴ «Nation», 2.X.1973.

Но рабочие и крестьяне, хотя и являлись грозной силой, были безоружны. Вооружить же их даже при желании было нелегко. «Было бы грубой ошибкой полагать, что у Народного единства,— отмечает Хоан Гарсес,— было достаточно много времени, чтобы раздать оружие трудящимся. Нельзя было даже начать такого рода действия, чтобы о нем тут же не стало известно вооруженным силам. И лояльные, и мятежные офицеры, все как один выступили бы против. Рабочее движение оказалось бы изолированным перед лицом всех вооруженных сил, готовых защищать свое основное право: монополию на обладание вооружением»¹⁵.

Альенде надеялся, что в случае конфронтации часть армии во главе с генералом Пратсом останется, как и 29 июня, лояльной правительству, и это вместе с поддержкой рабочих и крестьян вновь обеспечит ему победу.

Луис Корвалан, выступая 9 июля на расширенном активе столичной организации компартии, призывал оставаться в боевой готовности и быть начеку по отношению к проидам реакции. В то же время генеральный секретарь компартии считал, что еще возможно избежать вооруженной конфронтации с правыми. «Мы,— сказал он,— всегда заявляли и, несмотря на недавние события, повторяем это сегодня, что в условиях Чили имеется возможность осуществления антиимпериалистической и антиолигархической революции мирным путем, что можно осуществить продвижение к социализму без развязывания гражданской войны, хотя, несомненно, в условиях ожесточенной классовой борьбы. До тех пор, пока сохраняется малейшая возможность проводить в жизнь программу прогрессивных преобразований мирными способами, мы будем выступать против попыток развязывания гражданской войны». Вместе с тем Корвалан предупредил, что необходимо быть готовыми к любому повороту событий¹⁶.

Со своей стороны Альенде в речи на митинге на медном руднике «Эль-Сальвадор» 11 июля опроверг распространявшиеся реакцией слухи о вооружении рабочих. «Говорят,— сказал президент,— будто бы предпринимаются акции, чтобы заменить вооруженные силы народной армией. Я говорил и повторяю снова в этот День национального достоинства перед лицом Чили: нет никаких вооруженных сил, кроме тех, что предусмотрены конституцией — сухопутных, военно-морских и военно-воздушных. Нет других сил порядка, кроме карабинеров и службы расследования». Если реакция попытается спровоцировать гражданскую войну, заявил президент, народ будет бороться вместе с верными вооруженными силами, чтобы защитить мир в Чили¹⁷.

Но именно последнего и не хотели допустить противники правительства. В середине июля, придя в себя после «Танкасо» и перестроив заново свои ряды, они вновь двинули ударные отряды «Патриа и либертад» и «Роландо Матус» против правительства. 16 июля фашистские головорезы бросили в г. Винья-дель-Мар заряды с взрывчаткой в два многоэтажных здания, где жили офицеры ВМС с семьями. 27 июля террористы убили военно-морского адъютанта президента капитана первого ранга Артуро Арайа.

Усиление террористической деятельности, призывы со страниц реакционных газет к борьбе с правительством, обстановка заговоров и подрывных действий — все это неизбежно вело к конфронтации, кровопролитию, гражданской войне. Такая перспектива пугала многих. Тревога охватила и церковных иерархов. От их имени кардинал Рауль Сильва Энрикес призвал к мирному решению имеющихся проблем, к диалогу, к совместным действиям различных политических течений для предотвращения войны. Призыв кардинала поддержали левые партии, входящие в блок Народного единства, профсоюзы, массовые организации, а также определенная часть реалистически мыслящих политических деятелей оппозиции.

Тогда 27 июля вновь объявили общенациональную забастовку собственники грузовиков. «Автомобильный транспорт в нашей стране,— отмечал в те дни член Политкомиссии ЦК КПЧ В. Тейтельбойм,— играет очень важную роль, гораздо более важную, чем железнодорожный. Взгляните на карту и вы увидите, что Чили представляет собой узкую полоску земли, стиснутую между высокими Кордильерами и водами Тихого океана. Север и юг страны соединяет только одна автострада — Панамериканское

¹⁵ «Le Monde», 18.XII.1973.

¹⁶ «El Siglo», 9.VII.1973.

¹⁷ «Nación», 12.VII.1973.

шпоссе. День и ночь по «Панамериканке» движутся вереницы грузовиков, которые снабжают населенные пункты, расположенные вдоль автострады, всем необходимым. А теперь представьте, что водители грузовиков отказались работать. Один день они не выходят на линию, второй, пятый, десятый ... Страна оказывается фактически разьединенной, между городами нет сообщения. Население лишается продовольствия, заводы и фабрики — сырья. На полях стоит техника: вовремя не поступило горючее; на молочных заводах портится продукция: нет машин, чтобы вывезти ее... Все эти акции поставили страну в очень тяжелое, я бы даже сказал критическое положение»¹⁸.

2 августа к забастовщикам-владельцам грузовиков присоединились собственники автобусов и такси, в значительной степени парализовав городской транспорт. Правительство пыталось договориться с забастовщиками, практически удовлетворив все их требования. Но заводили во главе с Вильярином (ставшим после свержения Альенде советником Пиночета по рабочему вопросу) выдвигали все новые и новые требования уже не экономического, а политического характера. Альенде поручил армии обеспечить нормальную работу транспорта и объявил о том, что все правительственные учреждения и службы переводятся на чрезвычайное положение.

Новая волна подрывных действий реакции в Чили вызвала законную озабоченность прогрессивных сил в странах Латинской Америки и на других континентах. Сенат Аргентины направил дружеское послание чилийскому народу с выражением солидарности с его борьбой против черных сил реакции и империализма. Такие же послания направляли в Чили трудящиеся и общественные организации Перу, Венесуэлы, Колумбии, Эквадора. В эти драматические дни Фидель Кастро обратился к Сальвадору Альенде с письмом, в котором выражал тревогу в связи с развитием событий в Чили и солидарность с чилийскими трудящимися. Оно было обнародовано 28 сентября 1973 г. Фиделем Кастро на траурном митинге в Гаване, посвященном памяти Сальвадора Альенде.

«Гавана, 29 июля 1973 г.

Дорогой Сальвадор!

Под предлогом обсудить с тобой вопросы, относящиеся к Конференции неприсоединившихся государств, Карлос и Пинеиро¹⁹ направляются к вам. Их цель — узнать от тебя о положении и предложить тебе как всегда наше сотрудничество в борьбе с трудностями и опасностями, препятствующими и угрожающими революционному процессу. Их пребывание будет кратким, так как у них здесь много неотложных обязанностей, и, хотя это нанесит ущерб их делам, мы решили, чтобы они все же совершили эту поездку.

Вижу, что вы предприняли весьма сложный диалог с христианскими демократами в условиях, когда происходят такие серьезные события, как зверское убийство твоего морского адъютанта и новая забастовка собственников грузовиков. Понимаю, что это вызвало большое напряжение. Понимаю и твоё желание выиграть время, что позволит улучшить соотношение сил на случай, если начнется [вооруженная] борьба, и, если это возможно, найти путь, который позволил бы развивать дальше революционный процесс без гражданской войны и вместе с тем снять с тебя историческую ответственность за события, которые могут произойти. Эти стремления достойны похвалы. Но если противная сторона, подлинные цели которой мы не в состоянии определить отсюда, настаивала бы на коварной и безответственной политике, требуя от Народного единства и Революции невозможную плату, что отнюдь не исключается, не забывай ни на секунду об огромной помощи чилийского рабочего класса и о решительной поддержке, которую он тебе оказывал во все трудные моменты. Рабочий класс в состоянии по твоему призыву спасти революцию, находящуюся под угрозой: парализовать заговорщиков, обеспечить поддержку неустойчивых, решительным образом, если необходимо, определить дальнейшую судьбу Чили. Враг должен знать, что рабочий класс на чеку и готов вступить в бой. Его сила и боевитость могут определить соотношение сил в столице в твою пользу, даже при наличии прочих отрицательных обстоятельств.

Твое решение защищать процесс твердо и с честью, даже ценой собственной жизни, — все знают, что ты способен именно так поступить, — привлечет на твою сторону

¹⁸ «Новое время», 1973, № 34, стр. 15.

¹⁹ Карлос Рафаэль Родригес и Мануэль Пинеиро — члены ЦК Коммунистической партии Кубы.

всех честных мужчин и женщин Чили. Твое мужество, самообладание и храбрость в этот исторический час твоей родины, и прежде всего твое твердое руководство, решительно и героически осуществляемое, вот основное в данной ситуации.

Сообщи Карлосу и Мануэло, в чем мы, твои преданные кубинские друзья, можем оказать тебе содействие. Подтверждаем тебе любовь и безграничное доверие нашего народа.

С братским приветом

Фидель Кастро» ²⁰

30 июля начались переговоры между председателем христианско-демократической партии Патрисио Эльвином и Сальвадором Альенде. Президент и партии Народного единства были готовы пойти на уступки, чтобы достичь соглашения с демохристианами. Но правые лидеры ХДП и на этот раз выдвинули неприемлемые условия, потребовав, чтобы контроль над деятельностью правительства на всех уровнях осуществляла армия. На практике это означало передачу всей власти военным. Было ясно, что правые демохристиане добивались «мирного» переворота. Ни Альенде, ни партии Народного единства не могли согласиться с такого рода требованием.

Одновременно с началом забастовки транспортников кривая терроризма резко пошла в гору. Фашистские бандиты разрушили взрывчаткой подстанцию в г. Ранкагуа; взорвали в районе Курико, в 190 км к югу от столицы, мощный нефтепровод. 8 августа заместитель министра внутренних дел Даниэль Вергара сообщил журналистам, что только за последнее время ультраправые банды разрушили более 200 мостов, шоссе и железных дорог и различных учреждений, пытались вызвать хаос в экономике и создать перебои в снабжении населения продовольствием. На двух кораблях, входящих в состав военно-морских сил Чили, был раскрыт заговор с целью подготовки мятежа. Выступая с оценкой действий реакции перед членами Комитета бдительности и охраны промышленных предприятий, председатель Единого профцентра трудящихся Луис Фигероа заявил, что в настоящее время «страна переживает самый сложный период за все время существования правительства Народного единства».

9 августа в Сантьяго и по всей стране состоялись многотысячные демонстрации трудящихся в поддержку правительства, в защиту социальных завоеваний чилийского народа. Во второй половине дня рабочие в знак протеста против действий заговорщиков остановили работу на всех предприятиях. Рабочий класс был готов к бою. Опираясь на решительную поддержку трудящихся, Альенде в тот же день вновь реорганизовал кабинет, включив в него командующих четырех родов войск. Главнокомандующий сухопутными войсками генерал Карлос Пратс занял пост министра национальной обороны, командующий ВМС адмирал Рауль Монтеро стал министром финансов, командующий ВВС Сесар Руис — министром общественных работ и транспорта, генеральный директор корпуса карабинеров генерал Хосе Мариа Сепульведа — министром освоения земель. Президент назвал этот кабинет правительством национальной безопасности.

Правительство назначило 24 военных уполномоченных, по одному в каждой провинции, для реквизиции транспортных средств. Агентура правых в вооруженных силах стала давить на офицеров, сотрудничавших с правительством, упрекая их в предательстве, «расколе армии». 17 августа утром внутренняя разведывательная служба правительства, пишет Хоан Гарсес, была поставлена в известность о плане заговорщиков в армии сместить с ключевых постов офицеров, верных президентской власти. Альенде вызвал министра обороны в «Ла-Монеду» и распорядился принять контрмеры ²¹. Их следствием был уход в отставку со своих постов генерала Сесара Руиса, командующего ВВС и министра общественных работ и транспорта. 19 августа Альенде назначил вместо него министром генерала Умберто Маглиокетти, а командующим ВВС — генерала Густаво Ли. С его назначением на пост командующего ВВС «гориллы» еще больше укрепили свой контроль над военной авиацией.

Окрыленные такой удачей, заговорщики в последующие два дня совершили свыше 70 нападений, взрывов и других провокаций.

²⁰ «El mas alto ejemplo del heroismo». La Habana, 1973, p. 64—66.

²¹ «Le Monde», 18.XII.1973.

20 августа, когда президент Альенде находился на юге страны в г. Чильяне, где он должен был выступить на митинге, разведывательная служба правительства получила сведения, что военно-воздушные силы в Сантьяго при поддержке военно-морского флота собираются совершить переворот. Об этом было сообщено Альенде, который поспешил вернуться в столицу, и генералу Пратсу, который болел и лежал дома с высокой температурой. Пратс встает с постели и едет в генштаб; начальник генштаба, генерал Аугусто Пиночет, заявляет ему, что полностью контролирует положение. Пиночет сообщает Пратсу, что заговорщики предложили ему, Пиночету, вместе с сухопутными силами поддержать государственный переворот, на что он — Пиночет — решительно будто бы ответил им: «Я — генерал, уважающий конституцию, и я буду оставаться лояльным правительству до конца»²².

На следующий день демохристианские профсоюзные лидеры, правое Объединение работников умственного труда и Объединение розничных торговцев опубликовали воззвания с призывом ко всеобщей забастовке. Напомним, что свыше 21 тыс. собственников грузовиков все еще бастовали, действовало же только 2600 машин. В тот же день служба расследования арестовала 18 руководителей диверсионных групп «Патриа и либертад». Они собрались, чтобы получить последние инструкции относительно операций, намечавшихся на четверг, 23 августа. Каждый из них должен был возглавить группу террористов для нападений на помещения левых партий, массовых организаций, на дома государственных и общественных деятелей, на грузовики и автобусы. Всего планировалось использовать в эту ночь более 100 фашистских групп. Несколько сот взрывов должны были потрясти центр Сантьяго и «превратить город в ад»²³.

Готовилась новая провокация против главнокомандующего генерала Пратса, который был самым серьезным препятствием на пути заговорщиков. О событиях этого дня Хоан Гарсес рассказывает: «Кольцо вокруг Пратса смыкается. 21 августа правые силы организуют демонстрацию нескольких сот женщин перед резиденцией министра обороны. Они его грубо оскорбляют и требуют, чтобы он покинул ряды армии. Разведывательная служба фотографирует там шесть жен генералов и других офицеров. Вечером того же дня к больному, лежащему в постели генералу Пратсу приходит ставленник Фрея в армии генерал Бонилья, жена которого была в числе «демонстранток». Бонилья советует ему уйти с поста главнокомандующего вооруженными силами. Через несколько минут после ухода Бонильи приходит президент Альенде. Пратс рассказывает ему о своих впечатлениях. Он считает, что в армии замышляется государственная измена. Он обсуждает с президентом меры, которые необходимо принять, чтобы сорвать заговор»²⁴.

22 августа забастовали лавочники, врачи, продолжали бастовать «аристократы» на медных рудниках. Фашистские банды в столице напали на помещение ЦК компартии. Пока фашисты бесчинствовали на улицах, в конгрессе бесчинствовала оппозиция. Используя свое большинство в палате депутатов, она по предложению демохристианской партии одобрила «соглашение палаты», в котором правительство Альенде обвинялось в «нарушении законности», а вооруженные силы призывались не подчиняться впредь приказам правительства. «Соглашение палаты» являлось чуть завуалированным призывом к военным свергнуть Альенде. Вожак «Патриа и либертад» Пабло Родригес говорил накануне фашистского мятежа: «Нам не нужны жесткие, которые становятся мягкими. Нам нужны умеренные, которые становятся жесткими». Теперь этот фашистский головорез получил таких «умеренных» в лице Фрея и других правых лидеров демохристиан.

Заговорщики в армии вновь стали нажимать на Пратса с целью заставить его уйти в отставку. Большинство генералов заявило ему, что дальнейшее его пребывание на посту главнокомандующего и министра обороны вызовет раскол в рядах вооруженных сил и якобы ускорит взрыв гражданской войны. 24 августа Пратс подал в отставку со всех своих постов. В тот же день Альенде назначил главнокомандующим сухопутными войсками генерала Пиночета. Теперь заговорщики фактически оказались у власти. Им предстояло только сбросить маску друзей правительства, чтобы мир увидел их подлинное обличие «горилл». На это им потребуется еще 18 дней...

²² «Le Monde», 18.XII.1973.

²³ В. Ч е р н ы ш е в. Народ Чили дает отпор реакции. — «Правда», 24.VIII.1973.

²⁴ «Le Monde», 18.XII.1973.

В столице, а также в городах Вальпараисо, Вальдивия, Консепсьоне и других правые взрывают мосты, шоссе и железные дороги. Забастовка транспортников все еще продолжается. Вильяри не только пребывает на свободе, но ежедневно выступает по радиостанции, контролируемой правыми, с призывами продолжать забастовку «до свержения нынешнего правительства».

В таких условиях работали фабрики, население снабжалось продовольствием, действовали школы и университеты и, что не менее важно, успешно развивались внешне-экономические связи страны. Накануне военного переворота руководителям чилийской экономики удалось ослабить блокаду, навязанную США. За последние несколько месяцев многие европейские страны (Испания, ФРГ, Швеция, Финляндия, Дания) решили снова предоставить займы и кредиты Чили. Это позволяло Чили импортировать продовольствие, оборудование, грузовики, получать техническую помощь и делать капиталовложения в промышленность. Социалистические страны продолжали оказывать Чили помощь. Она носила форму соглашений о товарообмене (продовольствие за медь), технической помощи, поставок в кредит различного оборудования, даров и субсидий.

Итак, в середине 1973 г. чилийская экономика больше не была отрезана от внешнего мира. Напрашивается вопрос, писал французский журнал «Monde Diplomatique», не потому ли сочли нужным пресечь социалистический эксперимент в Чили, что Народное единство было уже близко к урегулированию своих дел в экономическом плане?²⁵

Между тем правая печать из всех сил старалась подогреть антиправительственные настроения. Теперь реакция решила, что наступил момент для нападков и на президента. Национальная партия закупила время в программах нескольких радиостанций и через каждые пять минут передавала воззвания с требованием, чтобы президент ушел в отставку. На месте объявлений (за это кто-то платил немалые деньги) такие «воззвания» целыми страницами печатала правая пресса. На улицах команды правых начали сбор подписей с требованиями, чтобы Альенде покинул президентский пост. На улицах распространялись листовки за подписью «Родина и свобода», в которых говорилось: «Альенде! Или уходи в отставку, или кончай жизнь самоубийством».

Новый главнокомандующий Пиночет, вступая в должность, обещал уволить из армейских рядов генералов, жены которых участвовали в демонстрации против Пратса. Но он с этим не спешил. Он пугает президента, что их увольнение может толкнуть заговорщиков на вооруженное выступление, и заверяет Альенде, что избавится от них, как только упрочит в армии свое положение. В то же время Пиночет создает невыносимые условия для других лояльных по отношению к Альенде военачальников — командующего корпусом карабинеров генерала Сепульведы и начальника военных училищ генерала Пиккеринга, сторонников Пратса, которые подают в отставку. Пиночет уговаривает президента, который полностью ему доверяет, принять их отставку, что якобы «умиротворит» армию.

И все же Пиночет трусит, виляет, хитрит. Он боится рабочих, ибо знает их решимость защищать свое правительство, разгромить заговорщиков. Пиночет пытается деморализовать своего главного противника — рабочий класс еще до того, как он — глава будущей путчистской хунты — сбросит демократическую маску. Как? Путем повальных обысков, осуществляемых войсками на фабриках, заводах, в помещениях левых партий, профсоюзов и других прогрессивных организаций, путем прочесывания рабочих поселков. С приходом Пиночета на пост главнокомандующего такие обыски со ссылкой на ранее принятый конгрессом закон, разрешающий их по доносам любых, в том числе анонимных, лиц, производятся по всей стране, часто сопровождаемые арестами и избиениями левых активистов. Таких обысков и налетов в поисках оружия у левых до сентябрьского переворота было осуществлено свыше 100. Эти обыски вызывают законное недоумение у трудящихся. Все понимают, что армия, проявляющая «мягкость» к фашистским террористам, действует столь решительно по отношению к рабочим — сторонникам правительства не в целях его укрепления, а, наоборот, для подрыва его позиций. Альенде тоже это знает, видит, понимает. Президент все еще надеется на лояльный ему сектор армии, которого у него уже в действительности нет, и на того же Пиночета, которого он все еще считает своим верным союзником...

²⁵ «Monde Diplomatique», decembre 1973.

В начале сентября Альенде вступил в переговоры с Радомиро Томичем, лидером левого крыла демохристианской партии, для изыскания формулы, которая позволила бы разрядить политическую атмосферу и избежать конфронтации и гражданской войны. Томич склонялся к соглашению с правительством. Но правые демохристиане и на этот раз заняли позицию непримиримых. Руководство ХДП предложило в качестве разрешения политического кризиса (!) уйти всем парламентариям и президенту в отставку, что позволило бы провести новые президентские выборы. Для Альенде и партий Народного единства это означало капитуляцию перед правыми. Переговоры с демохристианами и на этот раз оказались пустой тратой времени.

4 сентября в Сантьяго состоялась грандиозная демонстрация трудящихся в честь третьей годовщины победы народных сил. В ней приняло участие около миллиона жителей столицы и ее окрестностей. Это была самая внушительная из всех демонстраций, которая когда-либо проводилась в поддержку правительства Альенде. Демонстранты были настроены по-боевому, они требовали принятия решительных мер против фашистских заговорщиков. Более трех с половиной часов четыремя гигантскими колоннами шли к президентскому дворцу «Ла-Монедра» текстильщики и металлурги, служащие и учителя, студенты и школьники, крестьяне окрестных кооперативов и центров аграрной реформы.

7 сентября утром Альенде собирает генералов, которые всегда принадлежали к окружению Пратса. Среди них — Пиночет. Президент говорит о своем намерении на следующей неделе обратиться с призывом об организации референдума для разрешения демократическим путем конфликта между ним и палатами конгресса. После нескольких недель обсуждений в Народном единстве Альенде не хочет больше ждать и, несмотря на возражения некоторых партий, принимает решение организовать референдум. Было объявлено, что президент обратится к нации во вторник, 11 сентября.

Решение президента никак не устраивало заговорщиков. Во-первых, проведение референдума дало бы правительству передышку в три месяца, а за этот срок оно смогло бы ликвидировать забастовку транспортников, которая уже шла на убыль, и другие конфликты. Во-вторых, миллионная демонстрация в поддержку Альенде 4 сентября показала, что у него неплохие шансы одержать победу на референдуме. Поставленные перед выбором между «мумиями» и Альенде, трудящиеся наверняка проголосовали бы за Альенде. За него голосовали бы и многие рядовые демохристиане.

Перспектива референдума всполошила в первую очередь лидеров ХДП. Фрей решил, что час переворота настал. Сразу же, как только стало известно о намерении Альенде провести референдум, национальный совет христианско-демократической партии постановил внести в конгресс проект «конституционного обвинения» против всех министров кабинета Сальвадора Альенде, которые якобы «не выполнили соглашения палаты депутатов».

План Фрея свергнуть правительство путем «конституционного обвинения» вызвал бурю восторга у фашистских заговорщиков, который они проявили, совершив только за одни сутки 8 сентября 27 террористических актов. В эти дни главный рупор заговорщиков газета «Мегсигио» призывала развернуть движение, направленное на то, чтобы «вооруженные силы взяли на себя ответственность и привели страну к царству закона и мира».

10 сентября напряжение достигло предела. С самого раннего утра десятки журналистов толпились у президентского дворца, бросаясь с микрофонами и блокнотами на каждого, кто выходил из «Ла-Монеды». Такого столпотворения представителей печати, радио, телевидения, информационных агентств здесь никогда еще не было. Один слух сменялся другим. Однако за всей дымовой завесой слухов все более четко вырисовывалась реальность переворота.

Поздно вечером Политкомиссия ЦК Коммунистической партии Чили обратилась с воззванием к народу, в котором предупредила, что в ближайшие дни реакция намерена совершить государственный переворот, и призвала трудящихся города и деревни, все демократические силы страны решительно выступить против заговорщиков. Деятели и активисты левых партий получили указание не ночевать в своих квартирах.

Это была последняя ночь правительства Народного единства и последняя ночь в жизни президента товарища Сальвадора Альенде.

Три года прошло с тех пор, как Сальвадор Альенде стал товарищем Президентом, главой чилийского государства, хозяином «Ла-Монеды». Это были годы неустанной борьбы, огромного напряжения, больших свершений, надежд и тревог. Он дал слово осуществить программу Народного единства, быть верным идеалам освобождения и социализма и сдержал его.

По своей натуре дон Чичо был бойцом. Его качества руководителя, вождя и государственного деятеля особенно четко проявлялись в минуты опасности. Он становился собранным, решительным, непреклонным. Конечно, три года у власти не прошли для его здоровья бесследно. Он поседел, взгляд его стал жестче, но в целом физически, да и духовно он был в хорошей форме.

Изменила ли власть Сальвадора Альенде как человека? Такой вопрос задали его супруге Ортенсии Альенде итальянские журналисты уже после его гибели. Тенча ответила:

— Да, я должна признать, что после избрания Сальвадор изменился. Власть его не испортила, если вы имеете в виду это. Конечно, человек неожиданно оказался в центре серьезнейших проблем, вся ответственность легла на его плечи, трудности возросли. Он был целиком поглощен своей деятельностью. Он стал более напряженным, озабоченным, он, несомненно, утратил спокойствие и невозмутимость прежних времен. Но он не утратил чувства юмора. Сальвадор всегда быстро реагировал на шутку и любил сам шутить. Потом такие моменты спокойствия возникали все реже. Его чувство юмора постепенно обрело все большую полемическую силу. Ответы, которые когда-то были тонкими и ироническими, теперь стали резкими и сухими. Казалось, он предчувствовал, что времени у него мало и что надо экономить даже слова²⁶.

Ожидал ли Альенде переворота? Разумеется. Впрочем, не только он, но и вся страна, все зарубежные наблюдатели, хотя мало кто предполагал, что переворот обернется чудовищной кровавой бойней для чилийского народа. Знал ли он, что в роли заговорщиков выступят военные? И это ни для него, ни для других не являлось секретом. Его дочь Беатрис вспоминает: «Фактически весь месяц, предшествовавший перевороту 11 сентября, мы находились постоянно на чеку. Не проходило дня без слухов о военных мятежах и готовящихся государственных переворотах»²⁷.

Чилийские вооруженные силы к моменту переворота включали в себя сухопутную армию — 28 тыс. солдат, морской флот — 21 тыс. матросов, около 30 тыс. карабинеров и около 6 тыс. войск ВВС. Чилийская армия была весьма замкнутым организмом, на протяжении почти 40 лет в целом послушно служившим правящим классам. Французский журналист Филипп Лабреве писал вскоре после переворота 11 сентября: «Если чилийским правым силам удалось свести на нет усилия бывшего президента Альенде сохранить политический нейтралитет вооруженных сил и заставить последних переместиться в их лагерь, то это в огромной мере объясняется постоянным влиянием, которое оказывали американские военные на своих чилийских коллег, с которыми они знакомы во время стажировок по усовершенствованию или специализации»²⁸. Ежегодно, сообщает тот же автор, проходили стажировку в США и в зоне Панамского канала 200 чилийских офицеров и унтер-офицеров, а всего со времени окончания второй мировой войны в США побывало 4 тыс. чилийских офицеров.

За годы пребывания Альенде у власти Пентагон и другие правительственные органы США продолжали снабжать чилийскую армию кредитами и оружием, хотя США проводили в то время по отношению к Чили в целом политику экономического бойкота и саботажа. При Альенде программа американской военной помощи Чили не только не уменьшилась, но удвоилась по сравнению с президентством Фрея, достигнув 45,5 млн. долл. Американцы поставили чилийским ВВС современные реактивные истребители «А 4 В Скайхок» и бомбардировщики «F — 5Е», на что было получено специальное разрешение конгресса. Во время правления Народного единства США содержали военную миссию в Сантьяго из 30 опытных офицеров-разведчиков. Они не жалели ни средств,

²⁶ «Europeo», ottobre 1973.

²⁷ «El mas alto ejemplo del heroismo», p. 13.

²⁸ «Le Monde», 20.XII.1973.

ни усилий, чтобы сохранить и упрочить свое влияние на армейские круги. Более того, они использовали это влияние для того, чтобы подтолкнуть реакционное офицерство на свержение Альенде.

Причастность империалистических кругов США к подрывной деятельности, а затем непосредственно к перевороту — общепризнанный факт, несмотря на официальные опровержения. Так, вскоре после гибели Альенде бывший чилийский посол в Мексике Вигорена заявил в интервью мексиканской газете «Excelsior»: «Полтора месяца назад мы получили сведения о том, что существует конкретный план, подготовленный два года тому назад ЦРУ и получивший название «план Кентавр». Он ставил своей основной целью свержение президента Альенде и подготовку выступления вооруженных сил».

Чилийские военные суда вышли 10 сентября из Вальпараисо на соединение с американской эскадрой, курсировавшей неподалеку для проведения совместных маневров под кодовым названием «Унидас» — «Объединение». Чилийские корабли неожиданно вернулись в порт в ночь на 11 сентября. На их борту уже были расстреляны офицеры, отказавшиеся участвовать в перевороте. В 6 часов утра военно-морские силы в Вальпараисо первыми начали мятеж. Привлек к себе внимание и необычайно молниеносный визит 6 сентября американского посла в Чили Натаниэля Дэвиса в Вашингтон, откуда он вернулся 10 сентября — в канун переворота.

Впрочем, сам директор ЦРУ Уильям Колби, выступая после переворота в подкомиссии палаты представителей по межамериканским делам, показал, что ЦРУ постоянно вмешивалось во внутренние дела Чили и что его операции были санкционированы «Комитетом-40», совершенно секретной группой в Совете национальной безопасности. Он признал: «Мы имели ... в течение ряда лет различные отношения в Чили с различными группами. В некоторых случаях Совет национальной безопасности одобрял это и это означало оказание им некоторой помощи»²⁹.

Конечно, Альенде и его сторонники не сидели сложа руки и делали все возможное, чтобы укрепить и расширить влияние патристически мыслящих военных, стоящих на позициях лояльного отношения к правительству Народного единства и сотрудничества с ним. Альенде с 1970 по 1973 г. увеличил расходы на национальную оборону с 1119,7 млн. эскудо до 7340 млн., что, несмотря на инфляцию, явилось существенным ростом. Одним из первых актов президента Альенде было повышение денежного довольствия на всех ступенях армейской лестницы. В результате условия жизни солдат, унтер-офицеров и офицеров определенно улучшились, казармы были модернизированы, учебные стажировки за границей, как важный этап в продвижении по служебной лестнице, стали доступными большему числу офицеров.

Президент активно вовлекал патристически мыслящих военных в управление государством, назначал их на ответственные административные должности, включая министерские посты. Однако, хотя военная политика президента и приносила хорошие плоды, дальнейшие события показали, что она была недостаточной, чтобы склонить чашу весов в армии в пользу народных сил. И все же Альенде был уверен, что за три оставшихся до окончания его полномочий года ему удастся добиться преобладающего влияния в армии прогрессивных офицеров. Так считали и его противники. Они пришли к выводу, что время работает не на них.

Ночь на 11 сентября 1973 г. Сальвадор Альенде провел в президентской резиденции на улице Томас Моро. В 6.20 утра в его спальне раздался телефонный звонок. Ему сообщили, что в Вальпараисо восстал флот и требует его отставки. Президент пытался созвониться с генералом Пиночетом и другими командующими родами войск, но ни один телефон, ни частный, ни служебный, не отвечал. Плохой признак! Президент принял решение: немедленно направиться в «Ла-Монеду» — символ его власти, которую он обязался не покидать до окончания срока своих полномочий. Теперь настал час доказать, что это не были всего лишь слова. На прощание президент сказал жене:

— Только мертвым оставлю «Ла-Монеду», по уму сражаясь. Совершать самоубийство, как Бальмаседа, я не стану.

С президентом направляются в «Ла-Монеду» Хоан Гарсес и 23 человека из личной охраны, вооруженные автоматами и тремя базаками. В руках президента тоже ав-

²⁹ «Литературная газета», 31.X.1973.

томат, подарок вождя кубинской революции. На нем прибита пластинка с надписью: «Моему соратнику С. Альеде от Фиделя Кастро». В 7.20 четыре автомобиля, везущие президента и сопровождающих его лиц, подъезжают к «Ла-Монеде». По дороге от Томас Моро до президентского дворца можно было наблюдать, как усиленные наряды карабинеров и военные патрули занимали боевые посты на перекрестках улиц. Однако президентский кортеж никто не остановил. По-видимому, солдаты и карабинеры еще не знали, какое черное предательство им предстоит совершить в этот день. В «Ла-Монед» — никаких признаков надвигавшейся грозы.

«Самым важным было сохранить тайну,— заявил после переворота один из ведущих участников переворота, адмирал Патрисио Карвахаль, бывший начальник генерального штаба при Альеде.— Идеальным временем для операции подобного рода является ночь или предрассветные часы, когда улицы пустынные. Тем не менее для этого пришлось бы разместить войска на стратегических позициях накануне вечером, и, по всей вероятности, тайна была бы нарушена. По этой причине мы назначили операцию на 8.30 утра 11 сентября ... Основной раздел нашего плана составляла так называемая операция молчания, т. е. захват вооруженными силами контроля над всеми радиостанциями, телефонными станциями и важнейшими коммунальными службами, такими, как электростанции, снабжение водой, газом и бензином»³⁰.

В «Ла-Монед» Альеде оказался отрезанным от внешнего мира. Он объясняет карабинерам и своим сотрудникам, находившимся в «Ла-Монед», что, судя по всему, военные восстали и потребуют его отставки, однако он намерен оказать мятежникам самое решительное сопротивление. Альеде приказывает подготовить дворец к обороне, занять посты, оборудовать медпункт. Он пытается созвониться с руководителями партий Народного единства, министрами, ему тоже беспрестанно звонят, справляясь о новостях и спрашивая инструкций. Альеде всем заявляет, что намерен сопротивляться в «Ла-Монед» до конца.

Многие из его ближайших сотрудников и министров спешат в «Ла-Монеду». Некоторым удается попасть во дворец. Одним из первых появляется в «Ла-Монед» его друг и советник по печати Аугусто Оливарес. Он неоднократно заверял Альеде, что в час испытания не покинет его, и теперь пришел выполнить свое обещание. Прибыли во дворец и дочери президента Беатрис и Мария-Исабель. Беатрис была беременна. Увидев ее, Альеде только покачал головой...

Альеде обращается к населению по радио, предупреждая, что по имеющимся данным военные совершили предательство и пытаются захватить власть. Он призывает трудящихся к бдительности и сопротивлению силам реакции.

— Я заявляю,— говорит президент,— что не уйду со своего поста и своей жизнью готов защищать власть, данную мне трудящимися.

Несколько минут спустя Альеде вновь обращается по радио к чилийцам.

— Я не уйду в отставку. Я подтверждаю свою непоколебимую решимость продолжать защищать Чили...

В 7.50 утра мятежники появляются в эфире. Радиостанция «Агрикультура», которая все эти годы выступала против Альеде, передала первую «прокламацию» самозванной военной правительственной хунты, в которой говорилось:

«Учитывая: 1) чрезвычайно серьезный экономический, социальный и моральный кризис, подрывающий страну; 2) неспособность правительства принять меры, чтобы остановить дальнейшее разрастание хаоса; 3) неустанное разрастание военизированных групп, организуемых и обучаемых Народным единством, поддерживающим Альеде,— обстоятельство, которое неизбежно вовлечет чилийский народ в гражданскую войну,

вооруженные силы и корпус карабинеров заявляют:

1. Президент республики должен немедленно передать свои высокие полномочия чилийским вооруженным силам и корпусу карабинеров. 2. Чилийские вооруженные силы и корпус карабинеров едины в своей решимости взять на себя ответственную историческую миссию и развернуть борьбу за освобождение отечества от марксистского ига и за восстановление порядка и конституционного правления. 3. Рабочие Чили могут не сомневаться в том, что экономические и социальные блага, которых они добились

³⁰ «The Times», 8.XI.1973.

на сегодняшний день, не будут подвергнуты большим изменениям. 4. Печать, радиостанции и телевизионные каналы Народного единства с этого момента должны прекратить передачу информации — иначе они будут подвергнуты нападению с суши и с воздуха. 5. Население Сантьяго должно оставаться по домам во избежание гибели ни в чем не повинных людей». Прокламацию подписали: генерал Аугусто Пиночет, адмирал Торибио Мерино, генералы Густаво Ли и Сесар Мендоса.

После передачи «манифеста» путчистов генерал Баэса звонит президенту от имени генеральской хунты, он требует от него немедленно сдаться хунте, которая взамен обещает сохранить ему жизнь. Президент отвечает «гориллам»: — Я не совершу подобного вам предательства. Генералам-предателям не понять человека чести. Я буду сражаться с вами до конца.

И тут же записывает новое обращение по радио к народу с призывом оказать сопротивление мятежникам: это обращение передается в эфир через еще действующую радиостанцию социалистической партии. Своим сотрудникам, по свидетельству его дочери Марии-Исабель, президент говорит:

— Если бы я мог оказаться в другом месте для продолжения борьбы, я бы это сделал. Но я здесь, в «Ла-Монедо», и именно здесь я буду бороться и погибну, если потребуется. Я никогда не предавал народ и никогда не предаю его. Мое место в президентском дворце.

«Отца, — вспоминает Исабель, — сразу же удивила координация, точность, внезапность военного мятежа. Он понял, что не может больше рассчитывать на разногласия в армии и на поддержку верных ему подразделений. С этой стороны он уже больше ничего не ждал. Со стороны гражданских сил — тоже. Он знал, что забастовка транспортников и патрулирование города армией делали невозможным прибытие в «Ла-Монеду» рабочих подкреплений. Он с самого начала понял, что извне ничего не придет».

Альенде звонит на Томас Моро своей супруге Тенче, советует ей немедленно покинуть резиденцию. Не исключено, что мятежники попытаются захватить и ее. После телефонного разговора с мужем, последнего в ее жизни, Тенча покинула через монастырский двор дом на Томас Моро и укрылась у друзей.

В 9.00 президенту звонит его военно-воздушный адъютант Роберто Санчес:

— Я нахожусь в расположении седьмой группы ВВС, куда был вызван по приказу генерала фон Шовена (начальника штаба ВВС. — *И. Л.*). Генерал просил вас передать, что вас ждет самолет, полностью заправленный горючим. Он доставит вас, сеньор президент, и вашу семью туда, куда вы захотите.

— Передайте генералу фон Шовену, — ответил Альенде, — что президент Чили не намерен спасаться бегством на самолете, а генералу следовало бы научиться выполнять свой долг солдата.

Проходит некоторое время. Новый телефонный звонок. На проводе сам «горилла» Пиночет. Он передает ультиматум: если президент Альенде сдастся, ему сохранят жизнь и позволят уехать из страны. Если нет, в 11.00 начнется штурм. Президент говорит четко, делая ударения на каждом слове:

— Я не сдамся. И не покину дворца. Угрозам подчиняются только трусы. И сдаются только трусы. Такие, как вы...

И вешает трубку телефона.

Президент выходит на балкон и машет рукой тем немногим, кому удалось прорваться к дворцу. Танки и бронетранспортеры уже полностью контролируют площадь Конституции. Над дворцом на бреющем полете идут самолеты.

Президенту сообщают, что самолеты мятежников подвергли бомбардировке радиостанции «Порталес» и «Корпорасьон», призывавшие население выступить в поддержку правительства Народного единства. Оставалась в эфире только одна радиостанция «Магальянес», принадлежавшая компартии и расположенная неподалеку от «Ла-Монеды». Альенде подключился к передатчикам станции и, привычным жестом взяв микрофон в руку, произнес то, что стало его последней речью. Голос его был спокоен. Говорил он медленно, четко, отточенными и ясными фразами, как бы стремясь, чтобы его слова навсегда запечатлелись в памяти его слушателей. Наверное, за эти три бурных года он не раз представлял себя в подобной ситуации и мысленно говорил слова, которые ему пришлось бы произнести, прощаясь со своим народом.

— Трудящиеся моей родины! Наверное, это моя последняя возможность обратиться к вам.... И мои слова будут моральной карой тем, кто нарушил свою солдатскую клятву, — командующим родами войск ... Перед лицом этой измены мне остается сказать трудящимся одно — я не сдамся! На этом перекрестке истории я готов заплатить жизнью за верность своему народу. И я убежден, что семена, которые мы заронили в сознание тысяч и тысяч чилийцев, уже нельзя будет уничтожить...

Трудящиеся моей родины! Я благодарю вас за верность, которую вы всегда проявляли, за доверие, оказанное вами человеку, который был лишь выразителем глубоких чаяний справедливости и который, поклявшись уважать конституцию и закон, сдержал свое слово. В этот решающий момент, последний, когда я могу обратиться к вам, я хочу, чтобы вы поняли одно: иностранный капитал, империализм и союз с реакцией создали условия, при которых вооруженные силы нарушили традицию...

Трудящиеся моей родины, я верю в Чили, я верю в судьбу моей страны. Другие люди переживут этот мрачный и горький час, когда к власти рвется предательство. Знайте же, что недалеко тот день, когда снова откроется широкая дорога, по которой пройдет свободный человек, чтобы строить лучшую жизнь. Да здравствует Чили! Да здравствует чилийский народ! Да здравствуют трудящиеся!

Таковы последние мои слова. И я уверен — гибель моя не будет напрасной. Я уверен, что она будет, по крайней мере, моральным уроком и наказанием вероломству, трусости и предательству!³¹

Передав выступление президента, сотрудники радиостанции «Магальянес» собрались в студии и запели гимн левых сил. Они пели его до тех пор, пока мятежники не прервали их автоматными очередями...

В 10.25 в зале «Гоэска» президент вновь собирает всех своих сотрудников, находившихся в «Ла-Монедо». Твердым и спокойным голосом он сообщает им, что через несколько минут мятежники начнут штурм дворца. «Никакая революция, — говорит он, — не может победить, если ее руководитель не способен встретить опасность в трудный момент и бороться до конца. Это справедливо. Но справедливо и то, что бессмысленные жертвы абсолютно ничем не могут помочь делу революции. Наоборот, они вредят ей». Президент приказывает всем, кто не имеет прямого отношения к охране дворца, покинуть его, пока это еще можно сделать. Он же останется здесь. Это его долг...

Мятежники сосредотачивают вокруг «Ла-Монеды» свои силы. Ко дворцу подходят тяжелые танки «Шерман», бронетранспортеры, подкатывают орудия, вокруг занимают позиции несколько батальонов пехоты. В 11.00 раздается команда: «Взять штурмом дворец!» Солдаты, трусливо перебегая от одного укрытия к другому, пытаются приблизиться к «Ла-Монедо», по которой ведут огонь пушки, танки и броневики. Защитники дворца мужественно сопротивляются. Сам Альенде стреляет из базуки по танкам. Он попадает в танк, который подошел к главному входу во дворец. Танк горит.

Альенде приказывает сжечь конфиденциальную документацию, чтобы она не попала в руки противника, поместить женщин в наиболее безопасное место. Он сохраняет спокойствие, присутствие духа. В 11.45 президент вновь, на этот раз в категорической форме, приказывает женщинам и безоружным сотрудникам немедленно покинуть «Ла-Монеду»: «Революция не нуждается в неоправданных жертвах. Вы можете еще принести пользу будущей борьбе против поработителей чилийского народа».

«Последний образ отца, оставшийся у меня в памяти, — вспоминает Исабель, — это образ бойца, в каске и с автоматом в руке, который переходил от окна к окну, подбадривал членов своей охраны, шутил с ними, сам стрелял по танкам и руководил боем. В начале штурма ему предложили надеть пуленепробиваемый жилет. Он отказался со словами: «Почему я? Я такой же боец, как и все».

Воспользовавшись тем, что противник отступил от дворца в преддверии авиационного штурма, дочери Альенде вместе с Хоаном Гарсесом и некоторыми другими сотрудниками покидают «Ла-Монеду». Им удается благополучно миновать военные посты мятежников и укрыться в надежном месте.

В 12.00 «горилла» начинают бомбить «Ла-Монеду» с воздуха. Самолеты кружат над дворцом, обстреливая его смертоносными ракетами класса «воздух — земля». Уже пробита во многих местах крыша дворца. Он горит. Среди защитников дворца раненые,

³¹ «Литературная газета», 17.X.1973.

убитые, в числе последних — Аугусто Оливарес, преданный друг, верный товарищ. Сам президент ранен осколками стекла в спину.

Дым от взрывов и огня проникает во все помещения древнего здания. Президент просит раздобыть противогазы в оружейной палате, расположенной в подвале. Ему докладывают, что дверь палаты заперта. Президент спускается вниз и сам гранатой взрывает дверь. Здесь не только противогазы, но и пулеметы, автоматы, гранаты. Защитники «Ла-Монеды» быстро переносят это оружие на второй этаж.

После полудня «гориллы» прерывают обстрел и бомбардировку дворца и вызывают парламентариев. К ним выходят генеральный секретарь правительства Флорес и заместитель министра внутренних дел Даниэль Вергара. «Гориллы» требуют от них немедленной капитуляции, угрожая сравнять «Ла-Монеду» с землей. Флорес и Вергара настаивают на эвакуации из дворца раненых. В ответ сыплются угрозы. Парламентарии возвращаются в «Ла-Монеду». Им стреляют в спину.

Сражение возобновляется с новой силой. «Ла-Монед» полыхает огнем. Танки и пушки продолжают выпускать по зданию Тоэски один снаряд за другим. Наконец, в 13.30 танки врываются сквозь главные ворота во дворец, за ними следуют солдаты. Завязывается жестокий бой у парадной лестницы. Силы защитников тают. Из 40 человек в живых осталось около половины, но они сражаются как львы, следуя примеру президента. В 14.00 противник пробивается на второй этаж. Защитники баррикадируются в Красном зале. Нападающие, которых возглавляет капитан Роберто Гарридо, выбивают дверь. Защитники встречают их ураганным огнем. Но силы сражающихся неравны. Ранен в живот Сальвадор Альенде. Он продолжает стрелять, опираясь на кресло. Гарридо — снайпер. Генерал Паласиос, командующий штурмом дворца, приказал ему убить президента. Автоматная очередь прошивает грудь Альенде. Он падает на пол. Нападающие, точно уstraшенные чудовищностью содеянного ими преступления, отступают. Защитники «Ла-Монеды» преследуют их по коридорам президентского дворца. Другие уносят Альенде в его кабинет, кладут на президентское кресло, надевают на грудь президентскую ленту — символ его власти, покрывают плечи чилийским знаменем...

Когда два часа спустя головорезам капитана Гарридо удалось наконец убить последнего защитника «Ла-Монеды» и ворваться в президентский кабинет, они увидели сидящего за столом Сальвадора Альенде. Капитан Гарридо подошел к нему и в упор выпустил в мертвое тело президента еще одну автоматную очередь³².

Семь часов сопротивлялась горстка защитников «Ла-Монеды» во главе с Сальвадором Альенде натиску танков, артиллерии, ракетной авиации, отборным армейским частям.

«Президент не только показал себя мужественным и достойным, выполняя данное им слово умереть, защищая народное дело, но в последнюю годину испытаний проявил подлинный героизм, — сказал Фидель Кастро на траурном митинге в Гаване, посвященном памяти Сальвадора Альенде. — Никогда на американском континенте ни один президент не совершил столь драматического подвига. Грубая сила много раз торжествовала над беззащитной мыслью. Но теперь можно сказать, что никогда грубая сила не встречала такого сопротивления в вооруженной схватке с мыслящим человеком, оружием которого были до того только слово и перо...

Вот как гибнет подлинный боец! Вот как гибнет защитник народа! Вот как гибнет боец за социализм!»³³

ТВОЙ НАРОД ПОБЕДИТ, ТОВАРИЩ ПРЕЗИДЕНТ!

Жизнь политического и государственного деятеля неотделима от жизни его народа, его страны. Она часто выходит далеко за пределы хронологических рамок рождения и смерти героя, продолжая оказывать влияние и волновать людей и после того, как перестало биться его сердце. В особенности это относится к революционерам, к борцам за

³² Как сообщал американский журнал «Newsweek», в теле Альенде вскрытие обнаружало 13 пулевых ран. — «Newsweek», 17.IX.1973.

³³ «El mas alto ejemplo del heroismo», p. 60—61.

народное счастье, которые остаются в строю и после смерти. Их преданность народному делу, их мужество, принципиальность, неподкупность служат примером грядущим поколениям, вдохновляют их на новые свершения и подвиги в борьбе за социальную справедливость, независимость и подлинную свободу.

Именно таким останется в памяти народной образ Сальвадора Альенде, убитого фашистскими палачами в «Ла-Монеду» 11 сентября 1973 г. Но свергнуть и убить Сальвадора Альенде не было самоцелью «горилл». Они стремились покончить с идеей народовластия в Чили, которую он олицетворял, ликвидировать, разрушить, уничтожить систему буржуазной демократии, которая функционировала в Чили на протяжении почти 150 лет, ибо эта система, как они считали, перестала служить интересам эксплуататоров и открывала путь социализму. А для этого мятежники не только убили Сальвадора Альенде, но и устроили кровавую бойню трудящимся, разгромили народные партии и организации, повергли и растоптали демократические институты, установили в стране царство террора, беззакония и произвола.

В то время как их танки обстреливали, а самолеты бомбили «Ла-Монеду» и президентскую резиденцию на улице Томас Моро, в столице и в других городах страны войска, карабинеры и фашистские головорезы из «Патриа и либертад» и других реакционных банд громили помещения народных партий и профсоюзов, осаждали фабрики и заводы, расстреливая из пушек, пулеметов и автоматов трудящихся, оказывавших им сопротивление.

Сколько было убито человек фашистскими путчистами во время переворота и в последующие дни и недели в Чили? Хунта называет цифру, не превышающую тысячу человек. Но эта цифра опровергается всеми другими обозревателями, свидетелями и участниками чилийской трагедии. Ортенсия Бусси де Альенде, вдова Сальвадора Альенде, выступая 26 февраля 1974 г. в комиссии ООН по правам человека, заявила, что палачи хунты убили около 80 тыс. человек³⁴. Особенно многочисленны были жертвы фашистского террора в Сантьяго, где морги на протяжении недель ломились от трупов. Сотни трупов были выброшены в р. Мапучо. Стадионы страны были превращены в гигантские места заключения, где пытали, истязали и убивали сторонников правительства Народного единства. То же самое происходило в казармах, военных училищах, на авиабазах, на военных кораблях. На безлюдных островах Магелланова пролива, архипелага Хуан Фернандес, в заброшенных селитряных шахтах, в пустыне Атакама были созданы около 100 концентрационных лагерей, куда фашисты заключили тысячи людей, единственным преступлением которых было то, что они являлись патриотами, стремились к социальному прогрессу, любили свободу. В один из таких лагерей был брошен и славный сын чилийского народа генеральный секретарь компартии Чили Луис Корвалан, многие министры правительства Альенде, профсоюзные лидеры. Военная хунта распустила конгресс, запретила деятельность партий Народного единства, конфисковала их собственность, объявила вне закона их руководителей.

Только сутки спустя после переворота, 12 сентября, фашистская хунта сообщила, что солдаты, захватившие «Ла-Монеду», «обнаружили» в одной из комнат президентского дворца тело Альенде и что «комиссия медицинской службы вооруженных сил и национальной полиции и один судебно-медицинский эксперт удостоверили его смерть»³⁵. В этом коммюнике «гориллы» не отважились заявить то, что они стали утверждать потом, что Альенде якобы покончил с собой. Никакого медицинского свидетельства в подтверждение версии о самоубийстве никогда не было опубликовано, хотя представители хунты обещали это сделать.

В тот же день путчисты доставили супругу президента Ортенсию Бусси на один из военных аэродромов в Сантьяго. Там ее посадили в самолет, где находился уже гроб с телом ее покойного мужа, покрытый солдатским одеялом. «Гориллы» заявили Тенче, что ее доставят в Вальпараисо, где Альенде будет похоронен в фамильном склепе.

— Я настаивала на том, чтобы мне разрешили взглянуть на тело моего мужа, — рассказывает Тенча. — Военные не позволили. Я продолжала требовать. Они сдвинули

³⁴ «Правда», 27.II.1974.

³⁵ «The New York Times», 13.IX.1973.

крышку с гроба, и я смогла увидеть лишь простыню. Я не знала, покоится ли там его голова или его ноги.

Месяц спустя после свержения народного правительства Коммунистическая партия Чили опубликовала обращение «К чилийскому народу», в котором заявила о своей непреклонной воле продолжать борьбу против фашистской хунты за светлое будущее чилийского народа, во имя тех идеалов, за которые жил, боролся и погиб на своем посту Альенде и тысячи других патриотов. «Военная хунта, — говорится в обращении, — прибегнув к помощи всех реакционных средств информации, развернула гнусную кампанию с целью очернить память президента республики Сальвадора Альенде. Гнусные путчисты как вороны набросились на труп президента. Но как они ошибаются, если думают, что им удастся вырвать из сердца народа память о таком человеке, как Сальвадор Альенде, который любил свою родину больше всего на свете, десятки лет боролся за освобождение эксплуатируемых и угнетенных и героически погиб в сражении. Пройдут черные дни, и имя Сальвадора Альенде, президента, вернувшего Чили ее медь, восставшего против империализма и олигархии, не склонившегося ни перед похвалами, ни перед угрозами врага и сохранившего верность народу до последней минуты жизни, будет вписано в историю нашей страны и всей Латинской Америки наряду с именами О'Хиггинса, Бальмаседы, Рекабаррена, Агирре Серды и других чилийцев, отдавших все за родину и свой народ. Те же, кто их чернит, не оставят после себя никакого следа»³⁶.

Коммунистическая партия Чили призвала к установлению самого широкого единства всех антифашистских сил для борьбы за свержение военной хунты. Призыв компартии был услышан всеми демократическими и антифашистскими силами страны. В Чили образовался и действует в настоящее время широкий фронт противников хунты, рамки которого значительно шире блока Народного единства. Этот патриотический фронт ведет неравную и тяжелую борьбу против фашистской хунты. Но каких бы еще жертв ни потребовала эта борьба, в ней будет только один победитель — народ Чили.

Размышляя над судьбами Латинской Америки, Л. И. Брежнев сказал на всенародном митинге на площади Революции в Гаване 29 января 1974 г.: «Были в Латинской Америке замечательные взлеты освободительной борьбы, героические подвиги и победы. Но были и поражения, кровавые расправы с патриотами и революционерами. Опыт убедительно учит: там, где позиции империализма и его слуг оказываются под угрозой, буржуазия начисто забывает свою пропагандистскую болтовню о «демократии» и «свободном мире», она не останавливается ни перед каким насилием, ни перед какой жестокостью. События последних лет — кровавый фашистский переворот в Чили, наступление реакции в некоторых других латиноамериканских государствах говорят об этом достаточно ясно.

Но ничего из уроков прошлого не пропадает даром. И, в частности, опыт прихода к власти партий Народного единства Чили, несомненно, будет использован борцами за свободу и национальную независимость»³⁷.

За будущее Латинской Америки, за освобождение ее трудящихся от гнета местных и чужестранных эксплуататоров, за счастье своей родины Чили боролся и погиб Сальвадор Альенде Госсенс.

³⁶ «Коммунист», 1973, № 15, стр. 93.

³⁷ «Визит Леонида Ильича Брежнева в Республику Куба 28 января — 3 февраля 1974 года. Речи и документы». М., 1974, стр. 35.